

Книги Пауло Коэльо:

Дневник мага

Алхимик

Брида

Валькирии

Мактуб

На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала

Пятая гора

Книга воина света

Вероника решает умереть

Дьявол и сеньорита Прим

Одиннадцать минут

Заир

Ведьма из Портобелло

Победитель остаётся один

Алеф

Манускрипт, найденный в Акко

Адюльтер

Мата Хари. Шпионка

Пауло Коэльо
ЗАИР

Издательство АСТ
Москва

Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?

Евангелие от Луки 15: 4

Когда встанет время отплыть в Итаку —
Помолись, чтобы долгим был путь,
И он будет мирным —
Потому что киклоп, лестригоны, Скилла
Не в морях, а в твоей душе.
Долгий путь,
Светлые заводи феаков,
Щедрые причалы финикиян,
Мудрые беседы египтян,
А Итака — вдали,
Ждущая тебя старцем,
Просветленным, умудренным, богатым,
Ибо лишь для нее,
Каменистой, убогой, скудной,
Ты поплыл стать таким, как стал*.

Константинос Кавафис (1863–1933)

---

* «Итака». Перевод М.Л. Гаспарова.

Пауло Коэльо

По утверждению писателя Хорхе Луиса Борхеса, понятие Заир связано с традицией ислама и возникло в XVIII веке. По-арабски оно означает нечто видимое, присутствующее, то, что не может остаться незамеченным. То, что, войдя однажды с нами в контакт, будет мало-помалу занимать все наши мысли до тех пор, пока не вытеснит все остальное. Это можно счесть святостью — или безумием.

Фобур Сен-Пер. Энциклопедия фантастики, 1953 г.

Посвящение

В машине я сказал, что завершил первый вариант моей книги — вот этой самой книги. А когда начали подъем на одну из гор в Пиренеях — на ту, которую оба считали священной и где нам случалось проживать необыкновенные минуты, — добавил: «Разве тебе не интересно узнать, о чем эта книга, как она называется?» — «Интересно, — ответила ты, — но боюсь спросить, хотя, когда узнала, что ты завершил работу, обрадовалась — очень обрадовалась».

Заур

И я сказал тогда, о чем эта книга и как она называется. Мы продолжали путь в молчании. Вокруг, слетая к нам с верхушек голых, лишенных листвы деревьев, шумел ветер, и от этого дуновения гора снова явила нам свое могущество, показала свою магию.

Потом пошел снег. Я остановился и вгляделся в эту картину: падающие хлопья, свинцовое небо, лес и ты рядом. Ты была рядом со мной, ты всегда рядом со мной.

Я хотел сказать тебе об этом, но решил дождаться, когда ты в первый раз перелистаешь эти страницы. Эту книгу я посвящаю моей жене — тебе, Кристина.

Автор

Я — свободен

Она: Эстер, военная корреспондентка, только что вернувшаяся из Ирака, где в любой миг могут начаться боевые действия. Тридцать лет. Замужем, детей нет.

Он: личность не установлена. По виду — 23–25 лет. Волосы темные, монголоидный тип лица.

В последний раз обоих видели в кафе на улице Фобур Сент-Оноре.

Полиция располагает сведениями о том, что они встречались и раньше, хотя неизвестно, сколько раз. Эстер всегда говорила, что этот человек — она называла его Михаил, но едва ли это его настоящее имя — очень важен для нее, хотя никогда не поясняла, в каком смысле: в профессиональном или в личном.

Заур

Начато расследование. Рассматриваются версии: похищение с целью выкупа, похищение и последующее убийство, что совершенно не удивительно, если учесть, что в силу своих профессиональных обязанностей, то есть для получения информации, Эстер неоднократно приходилось вступать в контакт с представителями террористических организаций. Установлено, что в течение нескольких недель, предшествующих ее исчезновению, она регулярно снимала со своего текущего счета значительные суммы денег. Можно предположить, что это связано с оплатой предоставляемых ей сведений. Вещи и одежда оставлены, но паспорт, как ни странно, не обнаружен.

Он: неизвестный, очень молод, нигде не зарегистрирован, никаких следов или примет, по которым можно было бы установить его личность.

Она: Эстер, две международных премии по журналистике, тридцати лет, замужем.

Моя жена.

Меня тут же взяли под подозрение и задержали — поскольку я отказываюсь сообщить, где находился в день ее исчезновения. Но вот надзиратель открывает дверь камеры и сообщает, что я — свободен.

Почему же я свободен? Да потому, что в наши дни всем все про всех известно, стоит лишь запросить информацию, как ее вам предоставят — где мы расплачиваемся кредитными карточками, где бываем, с кем спим. А в моем случае все еще проще: некая журналистка, подруга Эстер, разведенная — стало быть, может без проблем сообщить о наших с ней близких отношениях, — узнав, что меня арестовали, с готовностью подтвердила мое алиби. Она предоставила неоспоримые доказа-

Заур

тельства того, что была со мной в день исчезновения моей жены.

Я разговариваю с комиссаром — он возвращает мои вещи, извиняется, сообщает, что мой скоропалительный арест был произведен на законных основаниях и что у меня не может быть причин жаловаться или подавать иск на государство. Объясняю, что и в мыслях такого не держу, ибо знаю — любой и каждый находится под подозрением и круглосуточным наблюдением, даже если и не совершал ничего противозаконного.

— Вы свободны, — повторяет он слова надзирателя.

А в самом деле, осведомляюсь я, не могло ли чего-нибудь случиться с моей женой? Она ведь не раз говорила, что из-за своих обширных контактов с террористическим подпольем порою чувствовала за собой слезку.

Комиссар молчит. Я настаиваю, но он ничего мне не отвечает.

Спрашиваю, может ли она ездить по миру со своим паспортом? Отчего же нет — раз она не совершила никакого преступления, то имеет право в любой момент покинуть страну или вернуться сюда.

— Значит, не исключено, что ее уже нет во Франции?

— Вы полагаете, она бросила вас из-за того, что вы ей изменили?

Это вас не касается, отвечаю я. Комиссар, секунду помолчав и посерьезнев, говорит, что мой арест был

Пауло Коэльо

необходим — таков порядок, — но по-человечески он мне очень сочувствует. У него тоже есть жена, и, хотя ему не очень нравятся мои книги (Ах, вот как! Он, оказывается, знает, кто я! Не такой невежда, каким кажется!), легко может поставить себя на мое место и понимает, как мне трудно.

Ну и что я должен теперь делать? Он протягивает мне свою визитку: «Если что узнаете, звоните». Знаю, знаю, видел в кино, и меня это не убеждает, полицейские всегда знают больше, чем говорят.

Он спрашивает, не встречал ли я того молодого человека, с которым в последний раз видели Эстер. Отвечаю, что знаю его имя — кличку, прозвище, псевдоним, — но лично с ним не знаком.

Он спрашивает, как складывалось наше супружество. Отвечаю, что мы с Эстер уже десять лет вместе и что проблем у нас не больше и не меньше, чем у других пар, и это обычные проблемы.

Он спрашивает — как можно деликатнее, — не было ли у нас в последнее время разговоров о разводе, не собиралась ли моя жена оставить меня. Отвечаю, что эта тема не возникала вовсе, хотя — и опять же как у всех супругов — случались время от времени и споры, и ссоры.

Время от времени или часто?

Я же ясно выразился: «Время от времени».

Он спрашивает — еще деликатней, — подозревала ли Эстер о том, что я завел роман с ее подружкой. Отвечаю, что переспал с ней в первый и последний раз

Заур

в жизни. Какой там роман, тут и говорить не о чем, просто день выдался какой-то хмурый, скучный, и заняться после обеда было нечем, а игра в обольщение неизменно воскрешает нас к жизни, вот мы и оказались в постели.

— Вы оказались в постели, потому что день выдался хмурый?

Меня так и тянет сказать, что вопросы подобного рода выходят за рамки расследования, но мне надо заручиться поддержкой комиссара — и сейчас, и на будущее, — и ведь, в конце концов, невидимое учреждение под названием Банк Услуг всегда оказывалось мне очень полезно.

— Бывает. Женщина ищет сильных чувств, мужчина — приключений, и вот — пожалуйста... Наутро оба делают вид, будто ничего не произошло, и жизнь идет своим чередом.

Он благодарит, жмет мне руку, говорит, что в его мире все не так гладко. Есть и скука, и уныние, возникает и желание переспать с приглянувшейся тебе женщиной, однако воли своим чувствам давать не принято, и никто не делает того, о чем думает или чего хочет.

— Должно быть, у художников нравы куда свободней, — замечает он.

Я отвечаю, что мир, к которому он принадлежит, мне известен, но я не хочу углубляться сейчас в сравнения того, как по-разному мы с ним воспринимаем род людской. И в молчании жду, когда он сделает следующий ход.

Пауло Коэльо

— Кстати о свободе... вы можете идти, — говорит комиссар, немного разочарованный тем, что писатель продолжать беседу с полицейским отказывается. — Теперь, после личного знакомства с вами, прочту ваши книги: я сказал, что они мне не нравятся, но, по правде говоря, я их не читал.

Не в первый и, надо думать, не в последний раз слышу я эту фразу. Что ж, по крайней мере, у меня появился еще один читатель. Прощаюсь и выхожу.

Итак, я — свободен. Из тюрьмы выпустили, жена исчезла при загадочных обстоятельствах, на службу к такому-то часу приходить не надо, я общителен, знаменит, богат, и если Эстер в самом деле меня бросила, ей очень скоро отыщется замена. Я — свободен и независим.

Но что есть свобода?

Мне следовало бы понимать смысл этого слова, потому что большую часть своей жизни я был свободы лишен. С детства отстаивал я свободу, добивался ее как самого главного сокровища. Боролся с родителями, которые хотели, чтоб я стал не писателем, а, например, инженером. Боролся с одноклассниками, которые с самого начала пытались сделать меня мишенью для своих мерзких шалостей, и лишь после